

ПРОЛОГ

Сейчас, вспоминая вечеринку в честь дня рождения Оливии Ричмонд, я понимаю, что мои первоначальные ожидания были настолько наивными, что их можно было бы даже назвать жалкими. Шла вторая неделя одиннадцатого класса старшей школы. До Осеннего бала оставалась неделя, поэтому больше всего я беспокоилась о том, пригласит ли меня на танцы какой-нибудь симпатичный парень.

Вайолет предложила сыграть в очень простую на первый взгляд игру. Не нужно заучивать правила, раздавать карты или разделяться на команды.

Только вот она не упомянула, что победителем в ее игре всегда становится она сама.

А также о том, что участие в игре может стоить жизни.

Глава 1

— **Х**м, ты не говорила, что Генри приедет домой на выходные, — упрекнула Кэндис Оливию, прервав ее монолог о поисках идеального платья для Осеннего бала.

Охота за ним началась еще летом — тогда у Оливии уже сложился определенный образ. Мы все без труда могли его себе представить: за время похода в торговый центр Оливия дважды в ярких деталях описала предполагаемый наряд. Платье мечты должно было быть цвета ванильной глазури: не настолько желтое, чтобы быть летним, не настолько белое, чтобы походить на платье невесты, и куда менее официальное, чем платье на выпускной. Подошел бы цвет экрю, яичной скорлупы, или любой другой подобный оттенок, который подчеркнул бы эффектный загар Оливии, заработанный ежеутренней греблей в летнем лагере в Канаде. Мои ежедневные пробежки под палящим солнцем Флориды не принесли мне такого темного цвета кожи.

Мы шли к дому Ричмондов от автобусной остановки, расположенной в паре кварталов от него. Мы планировали переночевать у Оливии, чтобы отпраздновать ее день рождения. Лямка моей сумки больно впивалась в плечо: пришлось все необходимые для вечеринки вещи взять с собой в школу, а потом и в торговый центр.

Стояла первая неделя сентября. Хотя я знала Оливию, Мишу и Кэндис всю жизнь, общаться с ними я начала только в этом семестре. Меня ни за что не пригласили бы на вечеринку в честь дня рождения кого-то из них в девятом или десятом классах. Я понимала, что возможность вхождения в их компанию (как и последовавшую за этим новообретенную популярность) дала мне произошедшая со мной за лето метаморфоза. Я еще только осваивалась в новом кругу и привыкала ко вниманию парней, которые раньше на меня и не взглянули бы.

Оливии позже всех из нас исполнялось шестнадцать — и ни у кого из нас в тот сентябрь еще не было собственной машины. Миша делила авто со старшей сестрой, которая, казалось, ее постоянно использовала. Разведенные родители Кэндис не разрешали ей садиться за руль, пока она не покажет им в таблице оценки лучше. Это был тот редчайший случай, когда ее мама и папа сходились во мнениях. Ехать домой на автобусе не очень хотелось — но так мы меньше походили на «ботаников», чем если бы кто-то из родителей забирал нас из торгового центра на машине.

В тот день у нас было хорошее настроение: мы выпили сладкого кофе латте, потратили деньги родителей на сережки и книжки в мягких обложках —

просто ради того, чтобы принести что-то новое домой к Оливии. Странно было бы уходить из торгового центра с пустыми руками — это казалось бы пустой тратой времени. Я купила себе сережки-подвески. Мне показалось, что они будут классно смотреться на Осенних танцах, если кто-то из парней все-таки пригласит меня.

Оливия бросила взгляд в сторону своего дома в конце квартала: это на его подъездной дорожке Кэндис заметила синий пикап Генри. Оливия сморщила свой ангельский носик и уперла руку в бок, словно возражая против присутствия старшего брата в их трехэтажном доме.

— Хм, я не знала, что он приедет, — заметила Оливия.

— Кто такой Генри?

Вайолет Симмонс была в городе новенькой. Только девушка, переехавшая в Уиллоу этим летом, могла не знать, кто такой Генри Ричмонд.

— Мой *брат*, — сообщила ей Оливия с отвращением в голосе.

— Ее ужасно симпатичный брат, — добавила Кэндис. Ее грудь была пышной, а голос — басовито-грудным. Ее фамилия была причиной, почему каждый человек в классе смеялся, когда заменяющий учитель зачитывал список и объявлял ее как «Коттон, Кэнди»*. Она не была такой красивой, как Оливия, но издалека — если солнце освещало ее под удачным углом и если потом прищуриться — походила на модель. В течение первых двух недель пребывания в круге общения Оливии я постоянно

---

* Cotton candy (англ.) — сладкая вата (Прим. переводчика).

удивлялась произносимым низким грудным голосом мыслям и замечаниям Кэндис. Например, она предполагала, что мистер Тиррелл, учитель биологии, хорошо целуется. В конце десятого класса (в те времена, когда я еще была прежней версией МакКенны) ее отстранили от занятий на три дня после того, как тренер Хайленд во время физкультуры поймал ее под трибунами с Айзеком Джонстоном. Кэндис высказывала вслух все то, что было у нее на уме, и, хотя она казалась мне «прикольной», я все же ее немного опасалась. Скорее всего, она все дни напролет думала лишь о том, как бы поразвлечься с парнями.

— Ты невыносима, Кэндис, — закатила глаза Оливия.

Но не только Кэндис считала Генри симпатичным. Я сама была влюблена в него примерно со второго класса, когда в нашем маленьком городе еще существовала традиция приглашать всех учеников младшей школы на дни рождения.

Генри был на два года старше Оливии и недавно пошел в колледж в Нортвестерн. Он изучал социологию, а после окончания собирался заняться юриспруденцией. Я знала об этом, потому что выучила подписи ко всем его фотографиям в ежегодных школьных альбомах. В прошлом году Генри уже был выпускником, его приняли в Нортвестерн с хорошей стипендией, а я оставалась непримечательной десятиклассницей. Скорее всего, он ни разу не взглянул в мою сторону — даже когда наши пути пересекались в школьных коридорах. Если бы он и заметил меня, то вряд ли бы связал с той пухлощекой второклассницей, которая сидела за обеден-

ным столом его родителей и пела при свете свечей «С днем рождения, Оливия», когда той исполнилось восемь.

— Мне кажется, это мило! Он вернулся домой на твой день рождения, — сказала Миша.

Она была полной противоположностью Кэндис. Маленькая и гибкая, Миша была школьной звездой по гимнастике. У нее были идеально прямые густые, тяжелые и блестящие каштановые волосы, достающие до талии. Она выбирала слова осторожно и была остра на язык — но за две недели нашего знакомства я поняла, что ее глаза скрывали целый океан мыслей.

— Он вернулся домой не ради моего дня рождения, — возразила Мише Оливия. — Скорее всего, он здесь из-за своей дурацкой ноги.

Генри выступал в составе теннисной команды старшей школы Уиллоу и впервые за двадцать лет привел ее к победе. Большую часть двенадцатого класса он играл со стрессовым переломом стопы. Генри обратился к врачу только после победы в чемпионате в Мэдисоне — после чего начал ковылять по школе в пластиковом гипсе. На выпускной церемонии он пересек сцену на костылях, и директор Ниландер одобрительно похлопал его по спине. Я знала об этом, потому что присутствовала на церемонии в качестве члена команды знаменосцев, хотя и была только десятиклассницей. Я держала огромный белый флаг в течение всего торжественного собрания под жарким июльским солнцем, наблюдая за Генри Ричмондом и восхищаясь его ростом, золотисто-каштановыми волосами и яркими зелеными глазами.

Было бы враньем сказать, что я не радовалась присутствию Генри в доме Ричмондов в ночь пижамной вечеринки Оливии. Мы подошли к дому — лагерь на ночь мы намеревались устроить в подвале. Мое сердце затрепетало при мысли о том, что я увижу Генри и, возможно, смогу заглянуть в его спальню.

Когда мы пересекали лужайку дома Ричмондов, нагруженные сумками из торгового центра вдобавок к школьным рюкзакам, стеклянная дверь открылась и на порог вышел сам Генри.

— Только посмотрите, кто наконец дома! Именинница! — крикнул нам Генри. Он небрежно покручивал на указательном пальце ключи от своего пикапа.

— Чего ты вернулся, ботан? — спросила Оливия, пихая его снятым с плеча рюкзаком. Он умело вернулся, явно привыкший к постоянным игривым потасовкам.

— Я бы ни за что не пропустил твою вечеринку принцесс, — поддразнил ее Генри, оглядывая нас. Я почувствовала, как краснеют мои щеки, в то время как он нас осматривает: компанию самых красивых шестнадцатилетних девушек старшей школы Уиллоу. Конечно, он знал Мишу и Кэндис, так как те давно дружили с Оливией. Наверное, он также заметил, что в хихикающей компашке не хватает одного лица: Эмили Моррис, рыженькой девчонки, которая летом переехала в Чикаго.

— Да уж, конечно, — усмехнулась Оливия. — Так где мой подарок?

— Мое присутствие и так уже подарок, — пошутил Генри. — Кроме того, твой день рождения зав-

тра. Так что даже если я привез тебе кое-что классное из колледжа, то придется подождать до утра.

Я подумала о лежавших в моем рюкзаке серебряных сережках лентовидной формы, которые я собиралась утром подарить Оливии. На них я потратила большую часть денег, подаренных дедушкой, бабушкой и другими родственниками на мой собственный день рождения.

— Злюка, — ответила Оливия.

— Генри, ты уже знаком с Мишей и Кэндис. А это — Вайолет и МакКенна, — представила нас Оливия, кивая в сторону каждой из нас.

— МакКенна, — повторил он, оглядывая меня с ног до головы своими ярко-зелеными глазами. За время, прошедшее после выпуска Генри и начала летних каникул, я съездила во Флориду к папе и его жене Ронде, работавшей медсестрой. Она помогла мне скинуть девять килограммов, из-за которых мне приходилось в течение нескольких лет покупать вещи большого размера в специальных магазинах. Когда я вернулась домой в Висконсин, мама оценила мой новый внешний вид — и наконец смирилась с дороговизной глазных линз. Мне еще в третьем классе поставили диагноз «близорукость» — но только сейчас я смогла наконец-то освободиться от очков. Если верить Оливии, меня стало просто невозможно узнать. Наверное, это должно было бы меня оскорбить — однако мне польстило, что она находит меня привлекательной.

— Я тебя помню. Ты живешь на Марта-Роуд, да?

Столь внезапного внимания с его стороны было достаточно, чтобы заставить меня заикаться. Если бы я знала, когда Оливия приглашала меня к себе, что

там будет и Генри, — скорее всего, я бы испугалась и отказалась: придумала бы какую-нибудь отговорку — например, что нужно ехать в город с мамой.

— Ага, — удалось ответить мне.

Удивляло не то, что он знал, на какой улице я живу. Это было известно всем еще с тех пор, когда мне было восемь: все ездили мимо нас. Наверное, меня поразило, что он помнил это спустя столько лет.

— Круто, — кивнул Генри, не улыбаясь.

Последовало мгновение неловкой тишины, и я боялась, что все (кроме Вайолет) думали об одном и том же: о той причине, по которой Генри все еще помнит меня. Об этом редко говорили в городе, а я и давно предпочитала об этом особо не думать. К счастью, никто ничего не сказал.

«Ты МакКенна Брейди, та девочка»...

— У меня есть билеты на «Пэкерс» на завтра, — объявил Генри, нарушая тишину. — Мы с папой поедем на игру после визита к рентгенологу.

— Так и знала, — обратилась к нам Оливия. — Видите? Он здесь ради рентгена. Ему плевать, что мне исполняется шестнадцать.

— Я ничего не могу поделать с тем, что футбольный сезон начинается в день рождения моей сестренки, — поддразнил ее Генри. — А теперь, простите, мама попросила меня выполнить несколько поручений в городе.

На часах было уже почти шесть, и был вечер пятницы. Небо имело сиренево-голубой оттенок, как будто бы сейчас продолжалось лето, а не было начало сентября. Стояла сухая и теплая погода, так что на уроках я не могла сосредоточиться — мозг пребывал в убеждении, что все еще делятся каникулы. Было так тепло, что Оливия велела захватить на вечеринку купальники — если вдруг нам захочется окунуться в бассейн перед ужином. Я гадала, оставалось ли это в ее планах: хотя я уже надевала свой новый купальник пару раз у папы во Флориде, в многоквартирном доме, где он жил, — перед знакомыми в Уиллоу его демонстрировать еще не доводилось. Сама мысль о том, чтобы появиться в нем перед Генри, будоражила меня, и сердце начинало колотиться. Я лишь недавно скинула вес и все еще не могла поверить глазам, когда смотрела в зеркало. Мне всегда казалось, что килограммы могут как-нибудь внезапно вернуться.

Ричмонды были богаты — или, по крайней мере, финансово успешны настолько, что я была уверена: мама Оливии не вырезает купоны из воскресной газеты для покупки средства для мытья посуды или замороженных низкокалорийных ужинов, как моя. Можно легко предположить, что утром на подъездной дорожке Ричмондов Оливию будет ждать миленькая малолитражная машина с бантиком. Пришлось подавить внезапный всплеск зависти. Мне исполнилось шестнадцать в июле — и задолго до этого дня я знала наверняка, что машину мне уж точно не подарят.

Когда позади нас взревел двигатель пикапа Генри, Кэндис пробормотала:

— А нельзя, чтобы твой брат приехал, когда день рождения будет у меня?

Час спустя мы плавали в бассейне; разговор вернулся к предстоящим танцам. Я плескалась в дальнем конце бассейна, одной рукой придерживая розовый надувной матрас. Вполглаза наблюдая за приближением темных сердитых грозовых туч с юга, я одновременно приглядывала за раздвижными стеклянными дверями, ведущими в гостиную Ричмондов. Я лишь недавно подружилась с Оливией и не могла расспрашивать ее о брате — да и не была настолько уверена в своей привлекательности, чтобы подумать, будто он может мною заинтересоваться. Насколько я знала, Генри снова встречался с Мишель Кимболл, с которой у него были отношения в одиннадцатом и двенадцатом классах. Говорили, что они расстались в начале лета, потому что отправлялись осенью в разные колледжи. Мишель дружила с Амандой, старшей сестрой Миши, и я решила, что лучше не выказывать интереса к Генри.

«После танцев обязательно поедем к "Бобби", — сказала Миша, и мое внимание вернулось к девочкам в бассейне, отвлекшись от мысли, что стеклянная дверь может в любой момент открыться, пропуская Генри. — Аманда и Брайан отвезут меня с Мэттом. Пит будет на машине?»

Вайолет наострила уши при упоминании Пита. Я гадала, рассказал ли уже ей кто-то в школе о том, что Оливия и Пит встречаются. Они влюбились друг в друга еще в четвертом классе. Если кто-то из парней

Уиллоу и был недоступен — так это Пит. Вайолет должна была уже понять перед вечеринкой, что дружба с Оливией являлась чем-то вроде победы в социальной лотерее. Было бы крайне глупо с ее стороны проявить интерес к Питу, бросив тем самым вызов статусу Оливии. Наш городок — очень маленький, и мало кто из девочек будет с тобой общаться, если ты станешь врагом Оливии, Кэндис или Миши.

Мише невероятно повезло, что ее сестра Аманда была двенадцатиклассницей и встречалась с капитаном школьном футбольной команды. Пусть даже она все время использовала их общую машину — зато Мише не приходилось идти в школу пешком или ехать на автобусе, потому что Аманда всюду ее возила.

Ее популярность создала базу для Миши. Аманда была капитаном команды чирлидеров, а в этом году стала капитаном школьной сборной, будучи такой же гибкой и атлетичной, как и ее младшая сестра.

— Таков план, — лениво протянула Оливия, наблюдая за тем, как ее длинные платиново-светлые волосы струятся по поверхности воды. Пит был одиннадцатиклассником, как и мы. Ему только что исполнилось шестнадцать, и он получил права. Родители Пита купили ему черный «Инфинити», и с тех пор каждое утро он въезжал на школьную парковку, словно король.

«У Бобби» была единственной круглосуточной закусочной в городе — местом, где собирались крутые старшеклассники после школы и футбольных матчей. Даже McDonald's и KFC закрывались в десять часов вечера. До одиннадцатого класса я отваживалась зайти туда с мамой только утром в выходные, чтобы позавтракать.

— Так каков план? Поедем вместе? Мой отчим психанет, если я скажу, что поеду только с Айзеком, — сказала Кэндис.

Она растянулась лицом вверх на плавучем матрасе цвета морской волны и водила руками по поверхности воды. Несмотря на весь ее аппетит насчет парней, Кэндис вроде как встречалась только с одним. Айзек (тот самый, который был причиной ее трехдневного отстранения от занятий в десятом классе) в этом году перешел в двенадцатый класс. Это был крупный парень с раскатистым смехом, он играл защитником в футбольной команде. Мне бы Айзек нравился, если бы каких-то пять месяцев назад он не дразнил меня «собакой» и «коровой». В этом году он пока что ни разу не отважился оскорбить меня. Вот какова сила привлекательности, поняла я: больше не нужно постоянно бояться глупых оскорблений. Айзек умом не блистал, что, кажется, беспокоило Кэндис — хотя ее тоже не торопились приглашать в Национальное Общество Почета*.

— Ну, нужно понять, что будут делать вот эти две чудилы, — сказала Оливия, кивая на меня и Вайолет.

Мы с Вайолет обменялись быстрыми неприязненными взглядами с разных концов бассейна. У нас обеих не было парней или намеченных партнеров для бала. Так как моя привлекательность была им внове — парни, знакомые со мной с детсадовских времен, не знали пока, что с этим делать. Для них я все еще оставалась МакКенной Брейди, умной девочкой, которая нравится родителям и учителям. Де-

---

* Организация, созданная для объединения самых талантливых и успешных в учебе школьников (*Прим. редактора*).

вочкой с очками и брекетами, с которой кое-что случилось в третьем классе. И, хотя я чувствовала взгляды парней в школьных коридорах, я никак не могла понять — хватит ли кому-то из них храбрости первым признать, что я изменилась, и позвать меня на свидание.

Можно было взять все в свои руки и пригласить Дэна Маршалла, дружелюбного одиннадцатиклассника, чей шкафчик находился рядом с моим. Или Пола Фримана, который предложил мне свой конспект по алгебре после того, как я проболела неделю в конце десятого класса. Но приглашение на бал кого-то из них стало бы окончательным признанием поражения.

Появление Вайолет заинтриговало всю старшую школу. Люди нередко уезжали из города, как, например, Эмили, и исчезали из мира Уиллоу навсегда, несмотря на искренние обещания писать письма и посылать электронные сообщения. Однако среди учеников редко появлялся кто-то новый. Уиллоу уже лет десять не был городом, привлекающим новых жителей. Он располагался слишком далеко от Грин-Бей — так что родителям, работающим там, пришлось бы целый час ехать из дома на работу.

В восьмидесятых и девяностых тут процветал туризм для любителей природы, которые хотели увидеть побольше осенних листьев и вдохнуть чистого воздуха — чего не мог предложить Висконсин Деллс к югу от нас или округ Дор к востоку. Других причин приезжать в Уиллоу не было.

Большие корпорации не могли предложить поблизости хорошо оплачиваемую работу. Здесь не было

крупной научно-исследовательской лаборатории, способной привлечь ученых высокого уровня. Пляж вдоль озера Виннебаго был скалистым и окруженным лесами — ничего похожего на белые песчаные пляжи Тампы возле дома моего папы. Наверное, можно было бы назвать Уиллоу приличным местом проживания, если ты — обитатель Висконсина и тебе нравится плавать на лодке.

Сам факт, что Вайолет была новенькой в городе, сразу же сделал ее знаменитостью старшей школы, а красота еще более усиливала интерес к ней. У Вайолет было личико в форме сердечка и широко расставленные ясные голубые глаза, которые казались пронзительно-яркими из-за контраста с очень темными волосами, обрамляющими лицо.

Ее кожа была фарфорово-белой — и это в городе, где в сентябре все девочки старательно демонстрировали свои достижения в плане загара, нарушая границы дресс-кода старшей школы короткими шортами и майками, стараясь выставить напоказ как можно больше загорелого тела. Даже через две недели после начала школьных занятий все мы плохо знали Вайолет. Она была скрытной и не принимала участия в общей болтовне — скорее всего, потому, что еще не была ни с кем из школы достаточно знакома, чтобы присоединиться к этому делу. Вайолет любила накручивать волосы на пальцы, слегка покусывая губы, и часто полностью уходила в собственные мысли за обедом, не принимая участия в разговорах, пока кто-нибудь не называл ее по имени. Все в ней было каким-то девически-романтичным — вплоть до крохотного старинного медальона на шее.